

ТАТЬЯНА УСТИНОВА
РЕКОМЕНДУЕТ

Евения
Горская

КАРМА
НЕСКАЗАННЫХ СЛОВ

Татьяна Устинова рекомендует

Евгения Горская

Карма несказанных слов

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Горская Е.

Карма несказанных слов / Е. Горская — «Эксмо»,
2015 — (Татьяна Устинова рекомендует)

Сергею Курганову было приятно на нее смотреть, и он отвлекся – следил, как красиво двигается и говорит женщина рядом, и не понимал ни слова. Это было глупо и совершенно на него не похоже: на работе он всегда занимался делом и не разглядывал никаких девушек. Но заведующая лабораторией Елена Демидова, с которой он согласовывал техническое задание, была такой тоненькой и хрупкой, что ему хотелось защитить ее неизвестно от кого... И, как оказалось, не зря! Вокруг этой удивительной женщины явно творилось нечто непонятное: сначала в ее сейф подбросили один из украденных накануне секретных приборов, а потом Лену и вовсе попытались убить – Сергей едва успел прикрыть ее своим автомобилем от несущейся прямо на нее темной грязной машины! Курганов понимал, что теперь не успокоится, пока не выяснит, кому же она перешла дорогу...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Горская Е., 2015
© Эксмо, 2015

Содержание

Татьяна Устинова	6
Май, 14, понедельник	8
Май, 15, вторник	14
Май, 16, среда	32
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Евгения Горская

Карма несказанных слов

© Горская Е., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

* * *

Татьяна Устинова Особый род детективов

Есть особый род детективов, памятный и любимый мной с советских времен. Кто помнит – в силу возраста, – тот меня поймет, кто не помнит, заодно и узнает, ибо этот род чтения, на мой взгляд, один из самых увлекательных.

Это детективы «про ученых».

Не пугайтесь, это вовсе не означает, что книжка переполнена формулами или заунывными рассуждениями о месте науки в современном мире. Просто в главных ролях задействованы научные сотрудники, руководители лабораторий, благородные подвижники от науки, нахальные молодые гении, знающие о жизни все, проходимцы, мечтающие сделать себе имя за чужой счет, и непременно пожилая секретарша директора НИИ, которая кутается в пуховый платок, печатает приказы на пишущей машинке «Москва», которая все знает, за всеми присматривает и разбирается в делах института куда лучше самого директора!..

Сдается мне, сегодня эта тема – науки, ученых, людей, которые работают головой, – вновь становится одной из самых интересных и – да простят меня читатели за банальность! – востребованной и популярной. Просто потому, что время пришло! Ей-богу, героями романов дальше уже просто не могут быть сплошь полицейские, бандиты с пистолетами-кастетам и разного рода жулики, от самых процветающих, прикупивших на краденое яхты и острова, до глубоко несчастных, падших, ворующих на базаре кошельки у зазевавшихся бабушек!..

Я глубоко убеждена, что «герой нашего времени», о поисках которого так много рассуждают в последние несколько лет, как раз и есть – ученый. Совершенно при этом не важно, в какой области он работает: в области высоких технологий, космических исследований, биологии или агрохимии. Каждая область важна и нужна людям, а мы, читатели, так давно не читали книг о людях, которые всерьез делают что-то важное и нужное, а не воруют, убивают и грабят, с одной стороны, а с другой – гоняются, хватают и сажают за решетку.

Книга Евгении Горской «Карма несказанных слов» как раз о «героях нашего времени». Я не стану пересказывать сюжет, ибо дело это неблагодарное и вообще глупое, лучше прочитать роман от первого до последнего слова!.. Для меня самым важным, помимо детективной истории, очень хорошо и интересно придуманной, оказалась именно... среда обитания героев. Добрые соседи по даче, старинные броши, переданные по завещанию, – все это так весело и приятно читать!.. Да и факт похищения из научного института секретных приборов – дело серьезное, и как-то сразу верится в то, что событие это на самом деле может привести к ужасающим последствиям, и необходимо разобраться как можно скорее, вернуть приборы в институт. В похищении замешаны серьезные люди, настолько серьезные, что умудрились даже убийство выдать за самоубийство, чтоб запутать и героев, и нас, читателей. Героиня романа Горской «Карма несказанных слов» Лена Демидова должна разобраться в происходящем, и она разберется, ибо не безмозглая блондинка с пистолетом за резинкой чулка, а кандидат наук, шутка ли!..

В новом романе Евгении Горской есть все, что мы так любим в детективах, – и странные обстоятельства, и происки злодеев, и погони на машине, и любовь, конечно. Мне очень нравится читать про любовь, особенно когда она получается... неожиданной, то есть приходит с такой стороны, откуда ее уж совсем никто не ждет!

На мой взгляд, дорогие читатели, эта книга хороша во всех отношениях – она умна, легка, замечательно написана и заставляет задуматься о людях, которые на самом деле заняты важной и нужной работой. Нам не так часто приходится читать о них!.. Огромное спасибо автору за возможность, которую она нам всем подарила!

Он прошел мимо главного институтского входа, наблюдая, как тонкая фигурка растворяется за стеклянными дверями. Сразу поворачивать назад не стал, чтобы не привлечь чьего-нибудь ненужного внимания. Конечно, когда она умрет, никому и в голову не придет связать это с ним, но все-таки... Он свернул в первый попавшийся двор, с удовольствием вдохнул терпкий запах черемухи, по ближайшим улочкам обошел громадное здание института и направился к метро.

Он все сделает как надо. Ему спешить некуда.

Май, 14, понедельник

Проведя на даче оба выходных, Лена вернулась домой поздно, не выспалась и опоздала на работу. Голова была тяжелой, думалось плохо, и почти ничего из намеченного на утро она сделать не успела. Только к обеду, разобрав готовые приборы, она включила установки, решив проверить на дефектных образцах новый, долго обдумываемый процесс. Если все получится, если она все предусмотрела, тогда можно будет доложить генеральному. Но до этого еще далеко, сообщала она всегда только о реальных результатах и никогда об идеях и задумках, за что, как правило, генеральный директор не то чтобы ей выговаривал, но как будто немного обижался: он любил, когда к нему приходили «советоваться». Другие ведущие разработчики приходили, а Лена – нет. Она предпочитала работать без подсказок и думать любила сама.

– Что я тебе сейчас скажу-у! – внезапно открылась дверь с грозной надписью «Посторонним вход запрещен», и появилась Люся.

Люся работала в секретариате, сидела в приемной генерального директора и каждые два-три дня приносила Лене сногшибательные новости. То есть сногшибательными они казались только самой Люсе, поскольку никаких кардинальных перемен в институтской жизни за все десять лет, что Лена здесь работала, не произошло.

Вообще-то приемная была одна на три кабинета: генерального и двух его заместителей. Как правило, там толпился народ, а плотные двери кабинетов практически не пропускали звуков, если только находящиеся внутри не переходили на крик, что происходило редко, практически никогда. Каким образом Люсе удавалось услышать, что обсуждают в кабинетах, для Лены было загадкой, однако подруга обычно была в курсе всего происходящего. К чести ее нужно сказать, знаниями этими она ни с кем не делилась, кроме Лены, будучи уверена, что чужие секреты та не выдаст никому.

По невероятному совпадению одним из заместителей генерального директора была Ленина дачная соседка Нонна Михайловна Лучинская. Нонна была не только соседкой. С Лучинскими в Лениной семье поддерживались почти родственные отношения. Брат и сестра Лучинские – Дмитрий Михайлович и Нонна Михайловна – были ровесниками ее родителей, вместе росли и дружили с ними с детства. Сейчас Лучинские стали для Лены самыми близкими людьми, не считая старой тетки.

Когда лет десять назад, еще студенткой, Лена пришла на практику в институт и столкнулась в коридоре с соседкой, которая, как выяснилось, проработала там всю жизнь, Лена была поражена, это совпадение показалось ей совершенно исключительным, почти фантастическим. Теперь она знала, что в институте полным-полно родственников, приятелей, детей приятелей, и исключительными являются как раз случаи, когда на работу устраиваются совершенно незнакомые люди.

– Опять подслушала что-нибудь? – Лена махнула рукой. – Заходи.

Входить посторонним в лабораторию, тем более без специальной одежды, было запрещено, но все входили, и Лена, устав с этим бороться, давно смирилась.

– Не подслушала, а услышала, – поправила ее подруга, протиснувшись между заваленными образцами и бумагами столами, уселась напротив на вращающийся стул и почему-то перешла на шепот: – Сегодня Пожидаев вышел.

– Что ты шепчешь? – удивилась Лена. – Знаю. Видела его утром.

Начальник второго отделения Юрий Викторович Пожидаев должен был отсутствовать на работе больше месяца, поскольку собирался в гости к сыну, живущему в Америке. У того только что родился сын, то есть Юрию Викторовичу внук. Все это Лена, с Пожидаевым знакомая шапочно, знала от той же Люси.

– Тут зашепчешь. Ужас, что творится! Оказывается, его жена неудачно упала и сломала лодыжку, так что поездка сорвалась. Сейчас жена дома мучается, а его на работу выгнала: наверное, от него дома нет никакого толку.

– Жалко тетку, – посочувствовала Лена.

– Жалко, – без особого сочувствия подтвердила Люся. – Юрий Викторович вышел, а никто этого не ожидал, думали, что он будет с больной женой сидеть. Так вот, оказалось, что у нас приборы пропали!

– Как это пропали? – не поняла Лена. – Как могут пропасть приборы?

Когда-то, еще при советской власти, институт был «закрытым», выполнял только оборонные заказы. Потом, помимо военной, стали выпускать и гражданскую продукцию, а в последнее время опять перешли на военную – связи генерального директора позволили получать очень выгодные госзаказы. Каждый прибор был уникальным, изготовление его тщательно отслеживалось, маршрут и сроки были известны всем ведущим разработчикам, и каждый, кто брал изготавливаемый образец для выполнения любых операций, несмотря на всеобщую компьютеризацию, по старинке расписывался в специальном журнале.

– Никто этого не понимает. Пожидаев стал проверять каждый образец и недосчитался четырех штук. Из партии, которая готовилась для военных.

Что Люся услышала, а что домыслила, Лена не знала, но это было неважно, поскольку выводы из отрывочных фраз подружка, как ни странно, сделала абсолютно верные.

– Значит, кто-то их взял и не расписался.

– Да нет же! Юрий Викторович всех обошел, приборов нигде нет. Их украли!

– Люсь, ну зачем кому-то военные приборы? Исламскому государству продать?

– Не придуривайся! – обиделась подружка. – Конечно, продать. Мало, что ли, террористов?

– Бред какой-то.

– Бред, – согласилась Люся. – Короче, Пожидаев пришел к Нонне, потому что генерального не было. Они все утро сидели, потом всех разработчиков обошли. К тебе не заходили?

– Нет. По военным образцам наши операции давно выполнены, в апреле еще. А в мае у нас ничего не сдается. Хороший месяц, тихий. И все-таки я не понимаю, как можно украсть приборы: их же через металлическую рамку на выходе не пронесешь. Наверняка кто-нибудь взял и не расписался.

– Да нет же! В самом деле их украли. Нонна распорядилась все машины досматривать – которые с территории института уходят. А что их досматривать, приборы уже наверняка раньше вывезли. Через металлическую рамку не пронесешь, а на служебной машине вывезти – делать нечего. Договорились с водителем, и все. Или с охраной договорились и пронесли через рамку.

Лена возразила:

– Люсь, это полный бред. За это же посадят точно, а таких идиотов у нас все-таки нет. Подсидеть кого-то желающие найдутся, а в тюрьму идти – вряд ли. К тому же что приборы полностью готовы, знают только ведущие разработчики, а они точно рисковать не станут. Зачем? Они и так неплохо зарабатывают.

– Значит, заплатили столько, что имело смысл рискнуть, – качнулась на стуле подружка. Замерла ненадолго и ахнула: – Лена! А может, правда приборы спрятали, чтобы Пожидаева подсидеть? А? Ты представь: он выходит из отпуска, на носу военная приемка, а приборы тютю. Конечно, его сразу снимут, хоть он и ни при чем.

Вообще-то Юрий Викторович человек чрезвычайно рассеянный, то и дело теряет то очки, то телефон, то еще что-нибудь, что потом приходится искать всему отделению. Но в том, что касается непосредственно работы, он обладает исключительной памятью, никогда ничего не забывает, и уж тем более не мог потерять приборы перед приемкой.

– Я думаю, скорее кого-нибудь повыше снимут. Генерального, например, – произнесла Лена и засомневалась: их директор был ученым с именем, и снять его означало почти ликвидировать институт.

– Генерального вряд ли, – усомнилась подруга и выпалила: – Нонну! Точно, Лена, снимут Пожидаева и Нонну! Она эти работы курирует. А выгодно это Леве Липавину. Он тогда сразу на место Пожидаева садится. И чтобы Нонны не было, ему выгодно – она его терпеть не может. Неужели это его рук дело?

– С ума сошла? Липавин не дурак, свободой рисковать не станет. К тому же зарплата у него наверняка не маленькая. И карьера! Ему чуть за тридцать, а уже заместитель начальника отделения.

– Да, – кивнула Люся и ляпнула невпопад: – Надька Андреева от Левы просто балдеет.

– От него все балдеют, – справедливо заметила Лена. – Кроме нас с тобой.

– Лева, конечно, парень хоть куда, – согласилась подружка, – только не нравится он мне.

Лене Липавин тоже не нравился: красавец Лева, неженатый, модный и спортивный, о котором мечтали почти все молоденькие девушки и дамы в возрасте, не обращал внимания ни на тех, ни на других, определенно знал себе цену, и цена эта была очень высокой. Он каждым словом и даже каждым движением давал окружающим это понять. Как ни странно, глупо его поведение не выглядело, но и симпатий не вызывало.

– Вот ты скажи, Лен, где мужика найти, чтобы богатый был и такой... нормальный?

– Знала бы – не сидела бы в девках, – улыбнулась Лена.

– Позвони Нонне, – наклонившись к ней, опять перешла на шепот подружка и посмотрела на Лену жалобно.

– Зачем? Что я ей скажу? Нонна Михайловна, Люся кое-что подслушала, и мы теперь хотим подробности узнать?

– Вредная ты, – пожаловалась Люся и заканючила: – Ну позвони, что тебе стоит? Вдруг она что-нибудь интересное расскажет.

Отвязаться от подружки, когда та чего-либо добивалась, было почти невозможно, но Лене повезло: зазвонил Люсин мобильный – приехал генеральный и требовал к себе секретаря, так что звонить Нонне Михайловне не пришлось. Лена вообще старалась не звонить ей на работе и никогда не афишировала своего близкого знакомства с заместителем директора, но все о нем знали, конечно. Когда после выхода на пенсию ее старого начальника Лену назначили заведующей лабораторией, злые языки однозначно связывали это назначение с Нонной Михайловной. Это было абсолютно несправедливо и очень обидно, потому что к тому времени Лена достигла немалых успехов и должность свою заслужила честно, и все, кто имел с ней дело, это понимали. Лена обещала себе не обращать внимания на досужие слухи и уж тем более из-за них не расстраиваться, но все равно расстраивалась.

Работа решительно не шла, и через час Лена решила, что день не задался. У нее случались такие неудачные дни, когда все валилось из рук и любое дело потом приходилось переделывать. Она сняла белый рабочий халат, посчитав, что все намеченные измерения лучше провести завтра на свежую голову, и заперла лабораторию.

В инженерной комнате стоял привычный шум, женщины за чайным столом смеялись, спорили, перебивали друг друга, шуршали конфетными фантиками, и казалось, что ничего вокруг они не слышат и не замечают. Лена знала, что на самом деле они все прекрасно слышат и видят и наверняка отметили, что сегодня она закончила возиться с приборами раньше обычного.

Она едва успела дойти до своего стола, как зазвенел ее личный внутренний телефон, и шум мгновенно сменился абсолютной тишиной.

– Леночка, приветствую вас. Загляните ко мне, пожалуйста, – услышала она приятный баритон генерального директора.

– Да, Марк Семенович, сейчас. – Лена положила трубку и потянулась к косметичке – подкраситься, но не успела – мобильный в ее сумке тихими гитарными переборами позвал «Побудь со мной». Звонок был некстати, но она, посмотрев на дисплей, ответила:

– Теть Лиз, привет, говори скорее, меня начальство вызвало.

– Я на всякий случай, чтобы ты не волновалась: мы с Петром Ивановичем уходим на выставку фотографий в Манеж, – торопливо сказала тетка.

– Пока. Вернешься, позвони, – попросила Лена.

– Зачем вызывает? – поинтересовалась Наталья, самая громогласная и доброжелательная из сидевших за «чайным» столом женщин.

– Не знаю. – Лена знала одно: если Марк Семенович просит зайти в конце рабочего дня, значит, домой она попадет нескоро.

Она сунула телефон в сумку и почти бегом бросилась к кабинету генерального. Вспомнила, что не подкрасилась, остановилась, решила не возвращаться, улыбнулась важной Люсе и открыла роскошную дубовую дверь.

В кабинет к генеральному Лена всегда входила хоть и без особой радости, но уж точно без страха и трепета. Академик, лауреат и орденосец Марк Семенович Хмельницкий был умным, честным и очень обаятельным человеком. Позер немного, но это ему идет.

Лена была в него почти влюблена.

Когда-то, еще не будучи ни директором, ни академиком, профессор Хмельницкий читал лекции в институте, где Лена училась, отбирал и приглашал на работу наиболее способных студентов. Вместе с Леной сюда тогда пришло человек десять, но потом все потихонечку разбрелись кто куда, и сейчас осталась одна Лена, которая уже не мыслила себе жизни без института.

– Вот, Сергей Александрович, наша гордость, – с необидной иронией представил ее генеральный, – заведующая лабораторией № 18, кандидат физмат наук, Демидова Елена Владимировна.

– Курганов Сергей Александрович. – На Лену без улыбки смотрел поднявшийся из-за гостевого стола, стоявшего перпендикулярно к рабочему столу Хмельницкого, высокий худощавый мужчина лет сорока в солидном темно-сером костюме, кремовой рубашке и галстук в полоску. Из-за его дорогого костюма Лена мгновенно почувствовала себя страшенькой и плохо одетой. Хотя и блузка, и брюки на ней были новыми и любовно выбранными по немецкому каталогу, но в шикарном кабинете явно не смотрелись. Тут она подумала, что и лицо у нее, наверно, блестит, и совсем расстроилась.

Господин Курганов не улыбался, а Лена улыбнулась. Как дура. И из-за этого расстроилась еще больше.

– Сергей Александрович – технический директор фирмы «Омстрон». И наш потенциальный заказчик. Пожалуйста, покажите ему всю технологическую линейку. И согласуйте техническое задание к договору, хорошо бы за сегодня-завтра. – Хмельницкий тоже привстал, когда Лена вошла в кабинет, а теперь снова сел. И смотрел на нее ласково, впрочем, он так на всех смотрел. – Ну, в добрый час. – Марк Семенович слегка кивнул им обоим и протянул руку к зазвонившему телефону. Снял трубку и добавил уже одному Курганову: – Жду вас к шести, Сергей Александрович.

Лена повернулась и повела заказчика в лабораторию.

Сергей шел за девицей-завлабом по длинному коридору. Завлаб Елена Владимировна оказалась слишком молодой и какой-то неуверенной в себе, воспринимать ее как представителя исполнителя было сложно. Впервые после того, как он пробился к Хмельницкому и предварительные договоренности были достигнуты, Сергей подумал о том, что с договором могут

возникнуть проблемы. Конечно, это будут не его проблемы, а Хмельницкого, но все же... Тут ему пришло в голову, что если Марк Семенович смог сохранить институт и даже почти не растерял научный потенциал, когда такие же предприятия десятками гибли в сложные девятые годы, то его мнение стоит уважать. И если Марк Семенович считает, что госпожа Демидова сможет руководить работой, наверное, так оно и есть.

И все-таки что-то его смущало в завлабе Елене Владимировне: она совсем не походила на женщину, успешно делающую административную и научную карьеру. Что-то в ней совсем не вязалось с договорами, планами-графиками и актами сдачи-приемки. У нее были кудрявые волосы до плеч и легкая походка, и она показалась ему похожей на юную даму начала XX века, такие же строгие нежные лица смотрели на него с пожелтевших семейных фотографий, которые маленький Сережа любил разглядывать, приезжая к бабушке. Ей бы стихи писать или картины, подумал он непонятно почему, поскольку из всех поэтесс смутно представлял себе только Ахматову, а художниц не знал вовсе.

– Вас подчиненные слушаются? – спросил он.

Она почему-то так удивилась, что застыла посреди коридора, и Сергей чуть не уткнулся носом в ее затылок. Волосы ее пахли клевером, летней травой и еще чем-то легким и приятным. И совершенно неожиданно ему захотелось еще раз наклониться к ее волосам и даже потрогать их руками. А еще отчего-то стало вдруг весело, и он обозвал себя старым дураком.

– Да я не знаю, – ответила она и опять зашагала. Не то чтобы она не ждала от него никаких слов, нет, конечно, он же не немой, просто слова эти должны были касаться предполагаемого договора, и уж никак не ее самой. Когда Курганов не улыбнулся при знакомстве, он как бы дал понять, что отношения у них могут быть только деловые, а не... человеческие.

– Почему не знаете, вы что, сотрудникам указаний не даете? – теперь удивился уже Курганов.

– Пока не давала, меня назначили-то всего месяц назад.

В подчинении у Лены были три дамы, младшей из которых исполнилось тридцать семь, старшей – пятьдесят восемь. Большую часть рабочего времени они, если не выходили покурить или прогуляться во время обеда, сидели кружочком вокруг «чайного» стола и болтали. Дважды в день, до обеда и после, к ним приходили такие же дамы из других подразделений, иногда поодиночке, иногда небольшой компанией. О чем можно говорить с таким интересом с утра до вечера, ежедневно, годами, Лена понять была не в состоянии. Периодически дамы создавали видимость деятельности. Для кого это делалось, непонятно, поскольку Лена знала, что они практически не загружены, а более высокое руководство никогда не интересовалось, чем именно эти дамы занимаются. Самое удивительное, что все они были финансово вполне прилично обеспечены и могли себе позволить не работать в институте, до которого еще и добираться не просто. Однако они упорно сидели вокруг «чайного» стола, пережевывая обиду на судьбу, директора, детей и, конечно, новую выскочку-начальницу, которую они успешно бойкотировали.

А указаний Лена никому не давала из опасения нарваться на хамство. Сама как-нибудь справится. Только объяснять это долго, да и не хочется.

– Вот, посмотрите, пожалуйста... Макет... Соединение... Подпитка...

Говорила она уверенно и подробно, без повторов. Сергея это удивило. Конечно, он не ожидал, что она будет лепетать и запинаться, но и что будет излагать так свободно, не ожидал тоже.

Ему было приятно на нее глядеть и слушать ее, и в какой-то момент он отвлекся – следил, как красиво двигается и говорит женщина рядом, и не понимал ни слова. Очнулся только тогда, когда увидел, что она смотрит на него удивленно.

– Простите, – смутился Сергей. Это было глупо и совершенно на него не похоже: на работе он всегда занимался делом и не разглядывал никаких девушек. Впрочем, он вообще никогда не разглядывал едва знакомых девиц.

Она улыбнулась и перешла к следующей установке.

Солнце светило в окна лаборатории, и ее волосы казались совсем рыжими. Лена была тоненькой и хрупкой, и Сергею вдруг захотелось защитить ее неизвестно от кого и неизвестно от чего, и он снова обозвал себя дураком.

Когда технологическая линейка была показана полностью и на все вопросы она ответила, стрелки часов, висящих над входной дверью лаборатории, подходили к шести часам, и Лена похвалила себя за то, что так точно уложилась в отведенное время. Ей захотелось вдруг, чтобы Курганов это тоже отметил и оценил.

Она посмотрела на часы, потом на него и только тогда обнаружила, что глаза у него разные: один зеленый, а другой – почти карий. А еще увидела, что он смотрит на нее не отрываясь. Впрочем, это Лена заметила раньше.

Сергей увидел, что она смутилась, и, спохватившись, спросил:

– Вы завтра будете? На работе?

Она кивнула. Буду, конечно. Куда же я денусь?

– Тогда я завтра найду. Только не знаю, в какое время.

Она опять кивнула.

Он помедлил немного, посмотрел на часы и попросил:

– Можно, я у вас бумаги оставлю? – и показал ей файловую папку, которую крутил в руках. Бумаги можно было и не оставлять, он вполне мог взять их домой, но ему хотелось иметь еще одно подтверждение того, что завтра он ее увидит.

– Конечно.

Она направилась к рабочему столу, привычно нашарила ключи в верхнем выдвижном ящике, открыла стоящий в углу сейф и убрала туда папку.

– Вас проводить? – вежливо спросила она.

– Нет, спасибо.

Хмельницкий не любил, когда опаздывали к нему на прием, и Сергей спешил. Он быстро шел по длинному коридору, не думая ни о чем: ни о предполагаемом договоре, ни о том, что следует сказать Хмельницкому, а о чем лучше умолчать. И о девушке с кудрявыми волосами он вроде бы тоже не думал, ему только отчего-то хотелось улыбаться. Просто так.

Май, 15, вторник

Лена пришла в институт рано, за полчаса до начала рабочего дня, сразу включила установку и стала проводить серию опытов, которые не выполнила вчера. Через два часа стало ясно, что опыты получаются, не зря она так долго над ними думала, и от удовольствия и гордости она даже тихо запела: «Целую ночь соловей нам насвистывал». И замерла, пораженная – она не пела давно, с тех пор, как стала не нужна Павлу. Лена немного поразмышляла над этим, но в окна лаборатории солнце светило так радостно, как будто обещало ей новую жизнь, совсем другую, счастливую, и опыты получались, и Сергей Александрович Курганов должен был сегодня прийти для составления технического задания, и она не стала думать о Павле и о том, что больше ему не нужна. Она снова замурлыкала: «Сад весь умыт был веснами ливнями». А потом вдруг вспомнила, как заметила вчера, что Курганов совсем ее не слушает, а только смотрит на нее как-то так, что она почувствовала себя очень красивой и уверенной в себе. И еще Лена вспомнила, как он смутился, когда она это заметила. Тут ей стало так весело, что пришлось кусать губы, чтобы они не растянулись в дурацкой улыбке.

Вспомнив о Курганове, Лена направилась к своему рабочему столу, нашарила ключи от сейфа в верхнем ящике стола и удивилась, что они нашлись не сразу, как будто вчера она положила их не на привычное место. Она еще напевала: «В час, когда в окнах не видно ни зги», отпирая сейф, и не сразу поняла, почему странно звенит в голове, почему вдруг стало так холодно, и она вцепилась в дверцу сейфа, как будто это ее единственная защита. В сейфе на документах Курганова, которые она вчера сама сюда положила, лежал прибор RSQ1670-04, разработанный по заказу Министерства обороны, протестированный и приготовленный к сдаче заказчику.

Она опять вспомнила Павла, вернее, не самого Павла, а то странное спокойствие, которое она почувствовала после страшного телефонного звонка, навсегда изменившего ее жизнь. Звонка, после которого Павла у нее больше не стало. Сейчас она точно так же была спокойна, набирая номер заместителя генерального директора.

– Нонна, ты где? – спросила Лена и даже усмехнулась, подумав, что говорит совсем как Люся.

– У себя в кабинете. – Чуткая Нонна мгновенно почувствовала серьезность происходящего.

– Пожалуйста, иди ко мне немедленно.

– Куда? В инженерную?

– В лабораторию.

Лена захлопнула крышку телефона и опять вцепилась в дверцу сейфа. На прибор она старалась не смотреть.

– Та-ак, – Нонна появилась быстро и, отодвинув Лену, тоже взялась за дверцу сейфа.

– Про пропажу приборов ты знаешь? – не столько спросила, сколько констатировала Нонна. – От Люси?

Лена кивнула.

– Я вчера вечером положила сюда бумаги, – она показала на документы заказчика и кашлянула, потому что губы не слушались. – Прибора здесь не было. Это бумаги Курганова из какого-то «Омстрона». Он может это подтвердить, он рядом стоял. Потом я заперла лабораторию, и мы с ним вышли. Вместе.

– Подожди-ка. – Нонна повернула ее лицом к себе. – Ты что, полагаешь, будто кто-то решит, что ты в этом замешана? В краже приборов? Леночка, здесь нет идиотов.

– Но я замешана, как видишь, – губы упорно не хотели ее слушаться.

– Не говори ерунды, – устало сказала Нонна, – и без того тошно. Но кто-то тебя подставить хочет, это точно. Тебя, меня и Пожидаева. – Она задумалась, потом как будто очнулась и пообещала: – Найдем. Найдем его, и мало ему не покажется!

Нонна еще постояла, вздохнула, взяла прибор и уже от двери повернулась:

– Леночка, я тебя очень люблю.

Демидова не успела ответить: дверь за Нонной захлопнулась. Лена покусала губы, чтобы не расплакаться, потопталась около установок, понимая, что работать больше не сможет, и решительно направилась в приемную к Люсе.

– О-о, – протянула подружка и посмотрела на часы, которые висели прямо над ней, и ей пришлось смешно задрать голову. – Уже обед. Вот здорово! Ты есть хочешь?

– Нет. – Есть Лене не хотелось совершенно, хотя утром она не позавтракала. – Но если ты голодна, я с тобой за компанию в столовую схожу.

– Есть я, конечно, хочу, но пойдем мы в другое место, – заявила Люся, одеваясь. – Пойдем на улицу.

На улице было тепло и солнечно, и Лена почувствовала, что холодный спазм, сжавший ее, когда она увидела прибор в своем сейфе, потихоньку отпускает.

– Валерка Пахомов, охранник, сегодня на работу не вышел. И дозвониться ему не могут, – сообщила подруга, отведя Лену в сторону от дверей института к высоким голубым елям. – А он в пятницу работал. Пожидаев определил, что в пятницу вечером камеры наблюдения у них на этаже были отключены. С полвосьмого до девяти.

– Как отключены? Как можно камеры отключить?

– Не знаю. Значит, как-нибудь можно. Кстати, Нонна один прибор нашла.

– У меня в сейфе, – подтвердила Лена.

– Что?! – Зеленые Люсины глазищи смотрели тревожно и серьезно, и Лена вздохнула. Ничего не поделаешь, она замешана в этой истории по уши. И далеко не все будут ей сочувствовать, как Люся.

– Я вчера положила в сейф бумаги Курганова, это новый заказчик.

Люся кивнула, она видела вчера господина Курганова и знала, кто он.

– Сейф был пустой, то есть без прибора. А сегодня перед обедом я в него полезла, и...

– Лена, это Ирка, – ахнула подруга. – Она тебя терпеть не может, больше никому.

Ира Ширяева, теперь Лучинская, школьная Ленина подруга, устроилась в институт вслед за Демидовой. Зачем она это сделала, никто не понимал, поскольку никакого интереса ни к науке, ни к технике Ира никогда не проявляла, а институтские зарплаты были, мягко говоря, небольшими. Вскоре после этого Ширяева, с детства часто бывавшая на даче у Лены, неожиданно для всех вышла замуж за Дмитрия Михайловича Лучинского, брата Нонны Михайловны, и с тех пор являлась полноправной хозяйкой соседского дома.

Чем Ирина занималась в институте, Лена толком не знала. Когда к ним приезжали высокие гости, особенно из-за границы, Ира организовывала им гостиницы и все остальное, включая конфеты и печенье к чаю. Это Лена наблюдала сама, поскольку несколько раз присутствовала на переговорах, рассказывала о деятельности лаборатории. Вообще-то организовывала все это Ирина не сама, а с группой девушек, которыми она командовала. В такие моменты Ира чувствовала себя исключительно важной, ходила по коридорам со свитой из тех же девушек и всячески давала понять, что она крайне занята. Выглядело это очень глупо, и Лена ее даже жалела. Но гости в институте бывали редко, и чем Ира занималась все остальное время, было непонятно.

– Люсь, ты с ума сошла? Ирка-то здесь при чем? Она знать не знает, у кого какие приборы.

– Все она знает! Чтобы пакость устроить, у нее ума хватит.

Люся Ирину терпеть не могла. Придя в институт еще студенткой, Люся попала под руководство Ирины, недолго походила за ней следом, изображая свиту, покупала ей пирожки, подавала чай и очень скоро решила увольняться. Работать лакеем она не собиралась. Тогда Хмельницкий, который каждого человека отбирал сам и каждым дорожил, пока тот не доказывал свою полную непригодность, предложил Люсе место секретаря. Она согласилась и с тех пор работой была довольна.

Обратиться к Хмельницкому Люсе тогда посоветовала Лена. Они еще были не знакомы, даже не здоровались при встрече, но в лицо друг друга, конечно, знали. В институте все друг друга знают в лицо.

Тогда отмечали Восьмое марта, и праздник уже выплеснулся из лабораторий и отделов в общий коридор. Демидова, как обычно, стояла в сторонке, и Люся случайно оказалась рядом с ней, когда генеральный с заместителями обходили подразделения. Про Демидову Люся знала только, что та учится в аспирантуре, скоро защитится, что она «блатная», то есть то ли родственница Нонны Лучинской, то ли какая-то близкая знакомая. Начальница Ирина говорила о ней всегда с усмешкой, но проницательная Люся безошибочно определила, что Ирка отчего-то отчаянно завидует скромной Демидовой.

К тому времени Люся начальницу уже совершенно не выносила и мучилась, не зная, что делать: увольняться из института ей не хотелось, она уже обзавелась друзьями, ей было удобно добираться и страшно уходить в другое место. Генеральный о чем-то разговаривал невдалеке от них, а они, стоя рядом, смотрели, как около него мгновенно очутилась Ирина и как она его пригласила на танец. Лена отвернулась от танцующих, и Люся неожиданно сказала ей:

– Я ее терпеть не могу. Уволюсь, наверное.

– Зачем же увольняться? – удивилась Демидова. – Перейди в другое подразделение. Сейчас много договоров, зарплату будут повышать.

Она единственная не сказала Люсе, что начальники хорошими не бывают, и если на каждого начальника обращать внимание, никаких нервов не хватит, или нечто в том же роде, что означало: терпи. Терпи унижения, приспособляйся, не реагируй на хамство, поддакивай... Все так живут.

– В другое подразделение трудно перейти. Кто меня возьмет? Меня же никто не знает...

Демидова задумалась, и Люся вдруг почувствовала, что сейчас ее проблемы будут решены, Лена обязательно что-нибудь придумает, а не отмахнется от нее, как многочисленные друзья-приятели. И ее начальница Ирина далеко не хозяйка в этих стенах, хотя ведет себя именно как хозяйка. Во всяком случае, с подчиненными.

– Нужно вот что сделать, – наконец сказала Лена, – надо записаться на прием к Хмельницкому. Можно, конечно, и с начальниками лабораторий поговорить, я думаю, тебя любой возьмет, сейчас людей не хватает. Я сама могу с двумя побеседовать, я их хорошо знаю. Но это не дело, в первую попавшуюся лабораторию идти. Нужно поговорить с генеральным, он нормальный дядька, хороший.

Она не успела договорить, потому что Хмельницкий вдруг оказался рядом с ними и пригласил Лену танцевать, а потом пригласил Люсю, и она спросила, можно ли попасть к нему на прием, и он сказал, что можно.

После праздников она долго репетировала с Леной, что сказать генеральному, но репетиции оказались совсем не нужны, потому что тот сразу все понял, и уже через день Люся сидела у него в приемной в качестве нового секретаря. Марк Семенович сразу разобрался, что никакая наука Люсю не интересует, а вот работать с бумагами и с людьми – это ее.

Совершенно чужая Демидова тогда с ходу ее поняла, а вот Гришка, родной, любимый – не понял. Впрочем, он почти никогда ее не понимал. А она его.

– Точно тебе говорю, это Иркиных рук дело. Ладно, с ней потом разберемся. – Люся задумалась и выдала: – Надо к Валерке Пахомову съездить.

– Куда съездить? Зачем?

Люся вздохнула, удивляясь тупости Лены, и стала объяснять подробно, как не очень умному ребенку:

– Прибор через металлическую рамку на проходной не пронесешь, значит, кто-то из охраны должен был помочь. Пожидаев определил, что в пятницу камеры были отключены. С половины восьмого вечера до девяти. Валерка тогда работал, а сегодня не вышел. Теперь понимаешь?

– Понимаю. Валерка Пахомов у тебя на подозрении. Правда, приборы не обязательно проносить через проходную, можно вывезти с территории на служебном транспорте, сама же говорила. Но допустим, их пронесли через проходную, ну и что? Из того, что Пахомов твой не вышел на работу, скорее следует, что он здесь ни при чем, иначе зачем ему на себя подозрения навлекать? Но снова допустим, что он как-то с этим делом связан. Ехать-то ты куда собралась?

– К Пахомову. Домой. Я адрес в отделе кадров взяла.

– Как это домой? – опешила Лена. – Здравствуйте, мы к вам в гости приперлись? Так я охранников даже по именам не знаю, а они меня тем более.

– Что ты придумываешься? – возмутилась подружка. – Просто ходим около подъезда. Может, что разведем.

– Что мы разведем? – обомлела Лена. – Ты с ума сошла?

– Лен, – заканючила Люся, – ну давай съездим. Я тебя очень прошу. Здесь недалеко. Лесозаводская улица. Ну давай... Погода хорошая, прогуляемся заодно.

– Да что мы узнаем? Помаячим у подъезда, и что?!

– Леночка, ну давай съездим. Я тебя очень прошу. Вот увидишь, что-нибудь узнаем.

– Ладно, черт с тобой, – сдалась Лена и рассмеялась, – черт-те что...

Счастливая Люся чмокнула ее в щеку, вздохнула и призналась:

– Давай такси ловить. Это близко, но... не очень.

– Давай, – обреченно согласилась Лена и трусливо подумала, как хорошо будет, если машину они не поймут. Идея ехать к совершенно незнакомому Пахомову казалась ей предельно абсурдной, а на улице хорошо, можно прогуляться в свое удовольствие.

Но машину они поймали – такой древний «Форд», что непонятно было, как он только передвигается. Рядом находился рынок, и подобных тачек там было много. За рулем сидел молодой парень восточной внешности, по-русски говорил хорошо, почти без акцента.

– Лесозаводская улица, – сказала Люся ему в окно.

– Триста, – сразу отреагировал парень.

– Что?! Спятил? – задохнулась от возмущения подруга. – Сто. И то много будет.

– Триста. – Лена решительно отодвинула Люсю и полезла в машину, опасаясь, как бы та под ней не развалилась.

– Вот ты всегда так, – начала ругаться Люся, но Лена погрозила ей кулаком, та только махнула рукой и полезла следом.

Лесозаводскую улицу парень нашел сразу, ехать действительно оказалось недалеко, минут пять. Подруги расплатились с водителем и отправились искать нужный дом. Делом это оказалось нелегким, поскольку таблички с номерами домов прятались за кустами сирени и акации, растущими у самых стен.

Наконец нашли дом и сели во дворе на лавочке, нежась на солнце. Двор был совсем пуст: ни детей, ни собачников, чему Лена порадовалась – не хватало еще, чтобы Люська полезла к кому-нибудь с расспросами на потеху публике.

– Что мы будем делать, если он сейчас выйдет и нас увидит? – спросила Лена скорее у себя, чем у Люси.

– Ничего не будем делать – мало ли зачем нас сюда занесло, – успокоила ее та.

– Если камеры были отключены, – рассуждала Лена, – значит, это сделал кто-то, кто имеет отношение с системе охраны. Компьютерщики, например. Черт-те что... Вообще-то выяснить, кто тогда дежурил, несложно. И кто с полвосьмого до девяти был на территории – тоже.

– Пожидаев список составил – человек тридцать. Не считая уборщиц.

– Так много? – удивилась Лена. Ей казалось, что в институте после семи практически никто не остается.

– Много, – согласилась Люся, – но все равно вычислят. Интересно все-таки, кто же этот идиот? Неужели он думал, что такие штучки ему с рук сойдут? Как ты думаешь, за это посадить могут? В тюрьму, в смысле.

Лена не успела ответить, потому что подруга вдруг толкнула ее так, что она чуть не свалилась с шаткой лавочки, и зашипела:

– Тихо.

– Ты спятила? – тоже шепотом спросила Лена, потирая ушибленный бок.

– Смотри. – Люся показала на парня с собранными в хвост длинными светлыми волосами, открывающего дверь пахомовского подъезда.

– Кто это? – спросила Лена уже обычным голосом, потому что парень скрылся внутри дома.

– Вовка Магулов из отдела информатизации. Все, – заключила Люся, – теперь мы знаем: это Магулов отключил камеры и украл приборы, а Пахомов помог их вынести.

– Люсь, – пристыдила ее Лена, – ты же взрослый человек. Ну что ты мелешь? Во-первых, с чего ты взяла, что он пошел к Пахомову? Может, у него здесь девушка живет? Или бабушка?

– Может быть. Но вряд ли. Точно тебе говорю – Магулов приборы спер!

– Даже если предположить, что этот Вовка к Пахомову пришел, это ничего не значит. Может, у них дела какие-нибудь совместные, может, они родственники. Да все, что угодно, может быть. И Пахомов к краже скорее всего не причастен. Кстати, этот Вовка в списке был?

– В каком списке?

– Ты сама говорила, что Нонна список составила, кто на работе задержался.

– Вроде нет, – подумав, ответила Люся, – вроде Магулова не было.

– Ну вот видишь. И вообще, почему ты решила, что это Магулов? Парень к нам спиной шел. Ты его лицо видела?

– Зачем мне его лицо, если у него хвост есть? – удивилась подруга. – Ты такой хвост еще у кого-нибудь видела?

– Нет, не видела. – Лена иногда встречала в институте молодого человеком с очень длинными светлыми волосами, собранными в хвост, и каждый раз удивлялась нелепой прическе. Но лица его не помнила совершенно. – Люся, не факт, что это твой Магулов, мало ли что хвост... Бросишь тень на парня, а он здесь совсем ни при чем. И Пахомов, скорее всего, непричастен. Вставай, опоздаем. – Лена поднялась и подергала Люсю за рукав.

– Да я никаких теней бросать не собираюсь, я же только тебе это говорю, больше никому. Давай посидим еще немного, сама же говоришь, надо лицо увидеть, вдруг мы обознались? – не сдавалась подруга.

– Я не могу опаздывать, мне образцы с измерений должны принести. И есть я захотела. Пойдем, Люсь. Может, он через час выйдет. Или вообще завтра утром.

– Леночка, ну давай еще чуть-чуть посидим, – тоненьким голосом запричитала Люся, – ну пять минут.

– Ладно, пять минут, – сдалась Лена, снова уселась на лавку, достала телефон и стала демонстративно смотреть на экран, показывающий время.

– Хорошо как, – зажмурившись на солнце, промурлыкала Люся. – Жаль, что лето такое короткое – все зима да зима. У Ирки четыре шубы, представляешь? – неизвестно с какой стати брякнула подруга. – Она как новую шубу наденет, так обязательно припрется. А с какой стати ей к нам ходить? Да еще в манто? Как же он на такой мерзавке женился-то? – удивлялась Люся.

– Кто он? И на ком женился? – не поняла Лена, тоже жмурясь от удовольствия на нежном майском солнышке.

– Дмитрий Михайлович. Я удивляюсь, – объяснила Люся, – как нормальный мужик на этой стерве женился.

Дмитрия Михайловича Люся видела последний раз на прошлый Ленин день рождения. Это было сразу после гибели Лениных родителей, никакого дня рождения Лена тогда, конечно, не отмечала, просто они сидели с Люсей на кухне, пили мартини и разговаривали ни о чем. Дмитрий Михайлович приехал неожиданно, посидел с ними, подарил Лене очень красивый старинный серебряный браслет и произвел на Люсю огромное впечатление. Во всяком случае, говорила она о нем с большим уважением.

– Любовь зла, – философски заметила Лена, – к тому же она красивая очень и молодая. И с ним она вовсе не стерва.

Когда Дмитрий Михайлович женился на Лениной подруге, абсолютно все: и Нонна, и Ленины родители, были уверены, что брак этот долго не продлится. Дмитрий Михайлович был всего-навсего чиновником, хоть и крупным, но далеко не олигархом, а Ира с детства ставила перед собой высокие цели. И выгодное замужество было одной из них. Однако женаты они уже давно, но никаких неладов в их семье не наблюдается.

– Все, – изрекла Лена, – пять минут истекли. Пойдем.

Как раз в этот момент из подъезда выбежал парень с хвостом и, не глядя по сторонам, промчался мимо, чуть не сбив с ног неизвестно откуда появившуюся старушку с таксой. Это был тот самый молодой человек, который попадался Лене в институте. Еще минуту назад она думала, что не помнит его лица, но сейчас узнала парня безошибочно.

– Он, – удовлетворенно сказала Люся, – Магулов.

Старушка растерянно глядела вслед парню, и Лена с Люсей посмотрели тоже.

– Что это с ним? – весело спросила старушка у девушек, а такса подбежала и теперь тыкалась им в колени.

– Дурак какой-то, – равнодушно откликнулась Люся, глядя собаку. – Вы его знаете? Парня этого?

– Первый раз вижу, – ответила старушка и зашагала дальше, такса припустила за ней, а подруги все сидели, не двигаясь с места. Что-то в поведении Магулова им не понравилось.

– Ну что, – наконец заговорила Люся и кивнула на дверь подъезда, из которого выбежал Магулов, – посмотрим?

Лена вздохнула и поднялась с лавочки. В подъезд они попали легко – домофон был отключен. На шестой этаж, где жил Пахомов, подруги почему-то пошли пешком. Подъезд оказался по-домашнему уютным: стены аккуратно покрашены, а пол стерильно чист. Они постояли немного на лестничной площадке, не решаясь подойти к квартире и понимая, что никуда не уйдут.

– Слушай, а может, его убили? – шепотом спросила Люся.

Почему-то после этого нелепая ситуация стала казаться смешной, и Лена фыркнула:

– Ну что ты придумываешь? Люди миллионы воруют, и живы. А Пахомова из-за каких-то приборов убьют? Пойдем, Люсь, он сейчас выйдет, и мы будем дуры дурами.

Но подружка решительно шагнула к пахомовской двери и так же решительно нажала на звонок, а Лена перепугалась, не зная, что сказать, если охранник откроет дверь.

Им не открыли. Люся еще несколько раз нажала на кнопку, а потом повернула ручку. У Лены от страха застучало в висках, но ничего не произошло: дверь оказалась заперта.

Подруга сокрушенно покачала головой, и они наконец-то облегченно рассмеялись.

– Ладно, будем надеяться, что трупа там нет, – Люся кивнула на квартиру. – А все-таки интересно, где же он скрывается, Пахомов-то?

– Почему скрывается? – Лена потащила Люсю к лифту. – Может, он заболел и к врачу пошел?

– Если пошел к врачу, должен был предупредить. Слушай, – ахнула Люся, – а чего Магулов так испугался, если там трупа нет?

Лена не стала ничего говорить, всерьез испугавшись, что Люсе придет в голову попытаться открыть запертую дверь, она затащила ее в лифт и нажала на первый этаж.

Им повезло: машину поймали сразу, как только вышли из двора, и даже не слишком опоздали с обеда. Только поесть не успели. Зато Лена почти забыла, что украденный прибор нашелся у нее в сейфе, правда, вспомнила об этом, как только рассталась с Люсей. И больше не забывала.

Сергей вышел из кабинета Хмельницкого в конце рабочего дня. Сначала он даже радовался тому, что директор занят чем-то срочным и неотложным и ему пришлось ждать в приемной больше часа. Вообще-то ждать он не любил, вернее, терпеть не мог, но это ожидание означало, что он задержится после работы с завлабом Еленой Владимировной, снова будет смотреть, как она говорит и улыбается, и никто не будет при этом ему мешать. Сначала он радовался, а потом испугался, что Лена уйдет и он сегодня ее не увидит, и только тогда понял, что ждет встречи с Демидовой, что уже сутки неотрывно думает о ней, даже занимаясь совсем посторонними делами. Это ему совсем не понравилось: он привык к своей спокойной, независимой и размеренной жизни, не хотел ничего менять, только отчего-то эта столь ценяемая им жизнь вдруг показалась ему унылой и неинтересной. Додумать мысль он не успел, потому что забавная веселая девица, совсем не похожая на секретаршу генерального директора, – он уже знал, что ее зовут Люсей, – улыбнулась ему и показала на дверь кабинета. Он тоже улыбнулся веселой Люсе и подумал, что вряд ли обрадовался бы, если б его секретарша носила потертые джинсы и прическу из торчащих во все стороны волос. Впрочем, у него не было секретарши, и он сразу же забыл про Люсю.

Разговор был недолгим, и уже через десять минут Сергей стоял возле двери лаборатории, в которой вчера разговаривал с госпожой Демидовой. Сначала он постучал в дверь, затем подергал ручку, потом набрал код – он видел, какие цифры нажимала вчера Елена Владимировна, и заглянул в помещение. Лаборатория была пуста. Он немного постоял в растерянности, не зная, где искать Демидову, как она неожиданно появилась прямо перед ним.

– Здравствуйте, Сергей Александрович.

Сегодня она показалась ему другой: серьезной и сосредоточенной. И смотрела на него строго, без улыбки, а он почему-то думал, что она обязательно обрадуется ему или по крайней мере улыбнется.

– Вы за документами?

– Нет. Не только. Марк Семенович просил подготовить проект технического задания к середине завтрашнего дня. Давайте поработаем, если вы не заняты.

– Давайте, – как ему показалось, равнодушно согласилась она. Открыла дверь лаборатории, достала из сейфа папку с бумагами и протянула ему.

– Пойдемте в инженерную, мой компьютер там.

Инженерная оказалась небольшой, недавно отремонтированной комнатой с новой офисной мебелью. Вокруг одного из столов сидели дамы, с интересом на него уставившиеся. Лена провела его к столу у окна и огляделась, выискивая свободный стул. Сергей взял первый попав-

шийся и посмотрел на нее – свободен ли. Она кивнула – мол, свободен, и Сергей сел сбоку от ее стола. Дамы разбрелись по своим местам и зашуршали бумагами, а они принялись согласовывать спорные моменты. Лена задавала вопрос, поднимала на него глаза: ждала ответа, потом, когда ответ был получен, хмурилась и смотрела в окно: искала формулировки, находила, поворачивалась к компьютеру и начинала печатать очередной пункт. Глаза у нее были карие, очень темные и большие, вполлица. Печатала она быстро. И мысли формулировала четко и грамотно. В какие-то моменты Демидова смотрела в окно дольше обычного, и он отчетливо видел, что она думает не о договоре, а о чем-то своем, и ему очень хотелось спросить, что ее беспокоит. Иногда ему казалось, что ей хочется побыстрее от него отделаться, и он чувствовал странную обиду. До сих пор его не волновало, хотят от него отделаться или нет, он приходил работать и добивался, чтобы работа была выполнена.

На клавиатуре в правом углу лежал смешной серебряный лягушонок. А может, и не серебряный, Сергей не слишком в этом разбирался. Спинка лягушонка была в маленьких зеленых камешках, одни камешки светлые, другие темные. А глазки желтые. Лягушонок мешал Лене печатать, с тихим стуком падая на стол, и она тут же водружала его на место. Пальцы у нее были тонкие и длинные, и Сергею нравилось следить за ее руками. А потом вдруг захотелось их погладить. Желание было столь сильным и неуместным, что он стал смотреть прямо перед собой. Он взрослый человек с устоявшейся жизнью, и ему не нужны никакие приключения. Он не умеет и не хочет ухаживать за девушками с тонкими пальцами, а в том, что за ней придется именно ухаживать, что сама она не проявит инициативы, он не сомневался. Перед ним все дамы искали что-то на своих столах, и он опять уставился на ее руки, и опять ему захотелось погладить тонкие пальцы, и Сергей стал прогонять это желание, но оно не проходило. Кольца на руках не было, ни на правой, ни на левой. Он уже твердо знал, что попытается узнать, есть ли у нее кто-нибудь.

Дамы дружно засобирались и, попрощавшись, вышли. Все вместе.

К половине восьмого техническое задание было готово.

– Может быть, чаю? Или кофе? – спохватилась Лена и расстроилась, что не предложила раньше.

– Спасибо. Чаю, если можно, – поблагодарил он.

Она полезла в стол и достала чашку, белую с надписью «Елена». Для него. Ее чашка в мелкий цветочек стояла на столе на соломенной подставке. Лена спохватилась и извлекла из стола пачку печенья, нераспечатанную.

Чай они пили за столом, где недавно сидели дамы. Чай был крепким, а печенье вкусным. Он смотрел на Елену, стараясь, чтобы она это не замечала, и удивлялся тому, какая она красивая. Правильное лицо, бледные губы, огромные темные глаза и вьющиеся русые волосы до плеч. Ему хотелось наклониться к ней и вдохнуть приятный и радостный запах клевера. Почему-то вчера в кабинете у Хмельницкого она показалась ему не то чтобы невзрачной, но какой-то незаметной. Он ошибся: перед ним сидела умная и красивая женщина. И Сергей ломал голову, как спросить, есть ли у нее кто-нибудь. И что ему делать, если окажется, что этот кто-то есть.

– Как вы попали в институт? – спросил он, откусывая печенье.

– Хмельницкий у нас лекции читал. Я пришла давно, еще на третьем курсе.

– Нравится вам здесь?

Свою работу Лена любила. Она радовалась и даже гордилась, когда находила правильные решения и понимала, что мало кто мог бы сделать так же хорошо. Лена радовалась, когда люди, мнение которых она ценила и уважала, приходили к ней консультироваться, и она видела, что они тоже ценят и уважают ее мнение. И даже поиск решения, часто трудный, иногда изматывающий, любила тоже. Хотя, конечно же, бывали дни, когда ей не хотелось вставать в половине седьмого и делать что-то было лень, и рабочий день казался нескончаемым,

и она потихоньку раскладывала пасьянс, пока никто не видит. Выходным она тоже радовалась как возможности не ходить на работу. Впрочем, последние полтора года она ничему не радовалась.

Работа спасла ее, когда жизнь с Павлом кончилась. И когда погибли родители.

– Когда как. – Она слегка пожалала плечами и виновато улыбнулась. – Но вообще-то я привыкла, конечно.

– Платят нормально? – продолжал спрашивать Курганов.

– Кому как. Кто работает, тем нормально. – Она почему-то задумалась перед тем, как ответить, как будто не знала, какие в институте зарплаты.

– А что, можно не работать? – удивился он. Солнце било в окно, и ее волосы казались рыжими, как вчера. Что-то странное с ним творилось, что-то необычное слышалось ему в самой обычной беседе. И это необычное манило и пугало одновременно.

– Нельзя, конечно, но... По-разному бывает. Раньше платили мало. То есть нужным сотрудникам приплачивали, а остальным мало платили. Ну, и обидно было работать. Так и сложилось... – Лене вдруг стало жалко женщин, которые растеряли все, что умели когда-то, и провели свою жизнь за разговорами, и теперь в любой момент их могут уволить.

– Что сложилось?

– Ну... жизнь.

– Жизнь складывается так, как мы ее складываем, – сказал Сергей неожиданно резко, как будто долго с кем-то спорил об этом, но оппонента так и не убедил.

– Нет, Сергей Александрович, – не согласилась Лена и покачала головой. – Не всегда.

– Да, Елена Владимировна. Всегда.

Вечернее майское солнце било прямо в окно, и ее волосы теперь казались огненными, как нимб. Как же узнать, есть ли у нее кто-нибудь? Если есть, он будет за ней ухаживать, и она предпочтет его, Сергея. Он ее завоюет. Как завоевывать женщин, Курганов не знал – инициатива давно уже была за ними, и все получалось как-то само собой. А цветы дарил, конечно. И провожал до дома.

– Нет, Сергей Александрович, вы не правы. Разные бывают... ситуации. – Лена все размышляла над его словами.

– Ситуации бывают разные, но как из них выйти, зависит от нас. И выходить надо достойно.

«Выходить надо достойно. А я достойно вышла из ситуации с Павлом? Я из нее вообще не вышла».

Сергей видел, что чем-то расстроил ее, и не знал, что делать. Ему хотелось сказать что-нибудь смешное, но в голову ничего не приходило, и неожиданно для себя он спросил:

– Что-нибудь случилось?

– Да. – Она замолчала и, когда он уже решил, что ничего объяснять она не станет, продолжила: – У нас пропали приборы для военной приемки.

Он кивнул: больше часа проведя в кабинете Хмельницкого, он был в курсе невысказанной пропажи приборов. Он безошибочно угадал, что минуту назад она думала о чем-то другом, и вместе с тем понимал, что кража отчего-то тоже очень ее волнует.

– Так вот, один нашелся у меня в сейфе. В том самом, куда я вчера положила ваши документы.

Она помешивала в чашке пустой чай – Сергей уже знал, что чай она пьет без сахара, – и сосредоточенно смотрела в эту самую чашку.

– Надо изучить записи с камер наблюдения, – быстро предложил он. Еще Сергей хотел спросить, есть ли у нее враги, но это показалось ему совсем глупым, и он промолчал.

– Уже посмотрели, – она покивала, – там застывшая картинка. С половины восьмого до девяти, кажется.

– Значит, надо искать тех, кто связан с компьютерами охраны. Их не должно быть много. Найдут, – заверил он.

Она опять обреченно покивала, и Сергей неожиданно понял.

– Елена Владимировна, вы боитесь, что вы... под подозрением?

– Да. То есть нет. Я не думаю, что руководство меня подозревает. Просто... неприятно.

Он понял: она боится слухов и сплетен, не хочет, чтобы ее имя склоняли во всех закутках и курилках. Она подняла грустные глаза, и он почувствовал вдруг бешеную ненависть к тому, кто заставил ее мучиться тревогой и неизвестностью, а еще огромное желание защитить ее.

– Перестаньте. Здесь нет идиотов, – совсем как Нонна, произнес он. – К тому же их найдут, и очень быстро.

– Почему вы так думаете? – Теперь ее глаза уже были не такими печальными, в них даже появилось любопытство и еще что-то, чему он не нашел определения.

Ему захотелось сказать, что он сам сделает все, чтобы найти этих мерзавцев, если Хмельницкий этим не займется. Если надо, он подкупит охрану и получит записи с камер. Наймет частных детективов. Да мало ли что можно сделать, чтобы установить истину... Но он понимал, что Хмельницкий не допустит, чтобы эта история была спущена на тормозах, а виновные остались ненаказанными, и поэтому сказал совсем другое:

– Потому что круг подозреваемых, настоящих подозреваемых, очень узок. И вычислить их – только вопрос времени.

Он говорил то, что Лена и сама прекрасно знала, но почему-то его слова успокаивали, и вся эта история с приборами показалась ей абсолютной ерундой, как будто не имела к ней никакого отношения. Она опять покивала, но в этом кивании уже не было недавней обреченности.

Она вымыла чашки под краном, потушила свет, оглядела напоследок помещение и заперла комнату.

Только что прошедший дождь очистил воздух, и Сергей с удовольствием вдохнул его и зачем-то посмотрел на небо. Его машина стояла прямо перед ними на крохотном пятачке возле главного входа в институт. Сначала он хотел предложить отвезти ее домой, а потом передумал: побоялся, что Лена откажется. Ему не хотелось с ней расставаться, и он решил проводить ее без машины или хотя бы дойти с ней до метро.

Однако проводить Демидову ему не удалось.

– Лена! – окликнула ее вышедшая вслед за ними высокая худощавая женщина, которую Сергей видел в приемной. Женщина, догнав их, обняла Лену и сразу же отпустила. – Давай тебя подвезу, мне в центр нужно.

– Спасибо, – обрадованно заулыбалась Лена, как будто забыв и о пропаже приборов, и о каких-то еще своих проблемах, о которых думала весь вечер.

Женщина скользнула взглядом по Сергею и спросила Лену:

– Ты домой?

– Домой, – кивнула та и снова улыбнулась.

Сергей видел, что она рада незнакомой женщине, и это отчего-то удивило его. Возможно, оттого, что сам он никому на работе так не радовался.

– До свидания, Сергей Александрович.

– До свидания.

Сергей смотрел, как они подходят к бежевой «Тойоте», и, к собственному удивлению, чувствовал такое разочарование и тоску, каких не испытывал уже давно. Он тоже пошел к машине и отчего-то долго сидел, не уезжая, смотрел на пустую зеленую улицу. Мимо прошел молодой человек в черной ветровке. Сергей проводил его взглядом и повернул ключ зажигания.

– Кто это? – спросила Нонна Михайловна, разворачиваясь на неудобной стоянке.

– Заказчик. Технический директор фирмы «Омстрон».

– По-моему, он к тебе равнодушен.

– Вряд ли, мы только вчера познакомились. – Но слышать это ей было приятно, и Лена улыбнулась. И с удовольствием откинулась на удобном сиденье. – Нонночка, что-нибудь выяснили?

– Камеры отключали дважды: в пятницу и в понедельник. В пятницу с половины восьмого до девяти вечера, в понедельник – с вечера до утра. Список находившихся в это время на территории имеется. Юрий Викторович вычисляет.

– Как ты думаешь, приборы пронесли через охрану или вывезли на машине?

– А ты как думаешь? – спросила Нонна Михайловна.

Когда Лена была маленькой, она покупала ей книжки с различными детскими задачками, некоторые из них ставили в тупик не только ребенка, но и взрослых. И ни разу не подсказала Лене ответа, за что та на нее дулась. Но задачки решала исправно и с удовольствием. Может быть, именно поэтому она никогда не ходила «советоваться» к Хмельницкому. Нонна приучила ее думать самостоятельно.

– Я думаю, вынесли их через проходную, – сказала Лена. – С охраной проще договориться, чем со случайными водителями. Хотя и второй вариант возможен.

– Я тоже считаю, что пронесли через проходную, – ответила Нонна и задумчиво добавила: – А один охранник сегодня не вышел на работу. Без объяснения причин. И дозвониться ему не смогли. Но меня больше волнует другое...

– Я знаю. Кто из наших в этом замешан.

– Да, – подтвердила Нонна, – кто из наших замешан.

Обе понимали, что аппаратуру вынести мог только кто-то свой. Никакой охранник не знал, какие приборы, почти не отличающиеся по внешнему виду, предназначены для военной приемки. И где они лежат, не знал никто, кроме своих. И в сейф к Лене никакой охранник не стал бы подкладывать прибор.

– Нонна, можно, я поговорю с Пожидаевым?

– Конечно, – удивилась та и посмотрела на Лену, оторвавшись от дороги.

– А... он знает?

– Что один прибор нашелся у тебя в сейфе? Он в курсе, а больше никто не знает.

– Тебя снимут? – наконец спросила Лена то, что волновало ее больше всего. Даже больше того, что она сама оказалась замешана в дикую историю.

– Снимут? – удивилась Нонна. – За пропажу приборов? Нет, конечно. Если меня и снимут, то не за это. Увольняют за то, что кому-то не угодил, а больше ни за что.

– А что будет? Ведь приборы сдавать надо.

– Ничего не будет, – усмехнулась Нонна. – Продлим срок договора. Выкрутимся. А приборы найти надо, и мерзавца-вора тоже. Я думаю, найдем. Ладно, ну их всех к черту, давай лучше о тебе поговорим. – Нонна Михайловна помолчала, вздохнула и продолжила виновато: – Леночка, надо устраивать собственную жизнь. Жизнь такая короткая, не успеешь оглянуться, как окажется, что она потрачена на всякую ерунду. Работа не должна быть самым главным. А то получится, как у меня: ни детей, ни семьи, одни приборы, будь они неладны. Ты уж не обижайся.

– Я не обижаюсь. Ты все правильно говоришь, только как ее устроить, если она не устраивается? – Лена поерзала и уселась поудобнее. Почему-то с Нонной ей всегда было легко разговаривать даже на самые щекотливые темы.

– Надо больше общаться с людьми. Вся молодежь собирается на пятом этаже, у них там что-то вроде клуба, а ты никогда туда не ходишь...

– Нонна, – поразилась Лена, – откуда ты знаешь?

– Свои каналы информации, – засмеялась та. – Начальству все положено знать. И на вечерах институтских ты почти не бываешь. Так нельзя, Леночка.

Лена промолчала.

Она не любила институтские вечеринки. На них она мучилась от скуки и собственной ненужности. От спиртного начинала болеть голова, танцевать Лена не любила и толком не умела, разговаривать с подвыпившими людьми, перекрикивая громкую музыку, не хотелось, а когда кто-нибудь из молодых людей принимался активно за ней ухаживать, это вызывало у нее еще большую скуку. Как правило, Лена дожидалась первого перекура после обязательных тостов и потихоньку уходила.

Нонна остановила машину у метро рядом с ее домом. Лена помедлила, ей очень не хотелось расставаться с любимой соседкой.

– Может, зайдешь? Я тебя ужином накормлю.

– Спасибо, Леночка, не могу, у меня важная встреча. В другой раз.

Лена выбралась из машины, и Нонна Михайловна со стыдом и горечью осознала, что она бросила ее в горе, что за ежедневной суетой самый близкий ей человек, не считая брата, оказался менее важным, чем договоры, платежи и прочая ерунда.

– Поехали со мной. Я не могу отменить встречу, а тебя взять могу. Поедем, Леночка.

– Спасибо, – засмеялась та. – Не хочу. Ты лучше ко мне просто так зайди как-нибудь.

Нонна не ответила: зазвонил мобильный, и она долго о чем-то разговаривала. Лена стояла около машины, смотрела по сторонам, удивлялась, как громко раскричались воробьи на небольшой акации, и не догадывалась, что больше никогда не увидит Нонну Михайловну.

– Лена, – Нонна бросила телефон на сиденье, – Пахомов, охранник, который сегодня не вышел на работу, убит.

– Как? Кто тебе сказал? – Лена засунула голову в машину.

– Сообщил начальник охраны. А убит он дома двумя выстрелами. Больше я ничего не знаю. Пока, Леночка, я опаздываю. До завтра.

Лена посмотрела вслед отъезжающей машине и направилась к своему дому, не заметив на лавочке, скрытой кустами сирени, соседских девочек. Когда-то на этой лавочке ее ждал Павел, если она задерживалась в институте или просто где-то гуляла. Впрочем, тогда она редко гуляла без него. Когда из ее жизни исчез Павел, видеть лавочку стало больно, и она, проходя мимо, старалась отвернуться, но все равно смотрела и каждый раз заново вспоминала, что Павел никогда больше не будет ее ждать, никогда не обнимет и она никогда не будет счастливой.

Сегодня она не вспомнила о Павле. И не посмотрела на лавочку. Она ее даже не заметила.

Она думала о пропаже приборов. А еще о Сергее Александровиче Курганове.

Дмитрий Михайлович освободился рано и уже к половине шестого подъехал к дому. Он удачно припарковал машину рядом с подъездом и сразу же увидел Ирину «Мазду», которую он подарил ей в прошлом году. Поздоровался с сидящими на лавочке у подъезда старушками, взял почту из ящика и поднялся домой. Квартиру эту в старом сталинском доме он купил, собираясь жениться на Ирине. Она хотела жилье в каком-нибудь новом элитном доме, но он, привыкший к толстым старым московским стенам, решил по-своему. До женитьбы он жил с сестрой Нонной в старой родительской квартире на проспекте Мира. Вопреки логике ту квартиру, где сейчас жила Нонна, он до сих пор считал своим домом, а эту, где жил последние семь лет, мысленно только так и называл: квартира, как будто она его домом не являлась.

Из кухни слышались голоса жены и домработницы. Лера, студентка третьего курса технического вуза, он забыл какого, подрабатывала у них уже год, приходя трижды в неделю. Лера

была дочерью одной из многочисленных подруг Нонны, и сестра попросила его пристроить девчонку на какую-нибудь работу, не отнимающую много времени. В то время они с женой в очередной раз искали домработницу, с которыми Ирина с завидной постоянностью ухитрялась портить отношения, что всегда его удивляло: работали женщины добросовестно, и увольнять их он не видел никаких причин. Исключение составляла только Нина Ивановна, помогавшая им на даче, выгнать ее Ирина никогда не пыталась. Нина Ивановна работала у них больше тридцати лет, хозяином считала его, хозяйкой – Нонну, а на Иру не обращала внимания.

Лера ему сразу понравилась. Немногословная серьезная девушка со светлыми волосами, собранными в хвост, напомнила ему Лену, хотя была на нее совсем не похожа. И он неожиданно для себя предложил ей помогать им по хозяйству. Он был уверен, что девчонка откажется, но она согласилась и с тех пор убирала квартиру, покупала продукты, сдавала белье в прачечную и, казалось, совсем не тяготилась непрестижной работой. Ирина, сразу потребовавшая, чтобы девушка приходила только в рабочее время, Лерой вроде бы была довольна, во всяком случае, никаких жалоб на нее он от жены не слышал.

Он разделся, прошел по коридору и на пороге кухни услышал голос жены:

– Ну что, не вспомнила, где серьги?

Ирина сидела за столом спиной к нему, а домработница возилась у плиты.

Лера замерла и, повернувшись, увидела хозяина.

– Дмитрий Михайлович, простите, я не могу больше у вас работать.

Она сказала это спокойно, не тихо и не громко, как будто ее только что не обвинили в краже, и Дмитрий Михайлович почувствовал, как его заполняет слепая ненависть к сидящей за столом очень красивой женщине. Ирина тоже повернулась, посмотрела на него и скривила губы.

Несколько дней назад жена пожаловалась ему, что не может найти гранатовые серьги, которые он подарил ей на какой-то Новый год. Серьги были недорогие, серебряные, но авторской работы, под старину, очень похожие на те, что носила его бабушка и которые хранились у Нонны. Ирине они не понравились, хоть она и не подала виду. Жена предпочитала золото, а любое серебро считала дешевкой. Она, как ему казалось, даже не надела их ни разу.

Ира сказала, что серьги пропали, и он равнодушно посоветовал ей поискать получше. Ему даже в голову не могло прийти, что жена обвинит в пропаже недорогих сережек Леру.

Он смотрел на сидящую напротив красавицу и не понимал, как произошло, что эта злобная баба оказалась его женой, и боялся, что сейчас придушит ее или прибьет до смерти.

За прошедшие годы он несколько раз чувствовал такую же ненависть и отвращение к Ирине, но вспышки эти были редкими и проходили бесследно. Сейчас жена совсем не казалась ему красивой, он подумал даже, что она похожа на хорька.

– Дмитрий Михайлович, заприте за мной дверь, пожалуйста. – Лера слегка отодвинула его, выходя из кухни, и он пошел за ней.

– Как вам угодно, Лера, – произнес он, радуясь, что не дрожит голос. – Я что-то не могу сообразить, сколько я вам должен.

Был конец месяца, и необходимо было выдать зарплату Лере.

– Я тоже не могу сообразить.

Лера положила ключи на тумбочку, накинула курточку и, открывая дверь, слегка повернулась к нему. Только тогда он заметил, что глаза у нее в слезах. И щеки тоже.

Дмитрий Михайлович запер дверь, постоял, ни о чем не думая, и направился к старому креслу, привезенному из родительской квартиры. Он так и сидел в кресле весь вечер, закинув руки за голову и закрыв глаза, и, когда услышал близко шаги жены, произнес:

– Не подходи.

Во дворе было шумно: кричали дети, галдели птицы, две собаки рвались с поводков друг к другу, и Лена не сразу услышала «Побудь со мной»: телефон лежал в сумке.

– Ты где? – как всегда, спросила Люся.

– Около дома.

– И я около дома, – голос подружки звучал грустно. – Приходи завтра пораньше, будем следствие вести. Все-таки хоть какое-то развлечение.

– Люся, Пахомов убит, – не слушая ее, доложила Лена.

– Что? Откуда ты знаешь? От Нонны? – догадалась подруга и решительно приказала: – Выпить купи. И пожрать чего-нибудь, я с утра не ела. Я сейчас приеду.

Лена сунула телефон в сумку и повернула к магазину.

Через сорок минут, приготовив салат из огурцов и помидоров, нажарив на скорую руку готовых котлет и сварив молодой картошки, Лена открыла дверь подоспевшей Люсе. Она уже успела доложить любимой тетке, единственной оставшейся родственнице, что она дома, ждет Люсю, и даже рассказать о пропаже приборов и о том, что один из них обнаружился у нее в сейфе. Про пропажу рассказала, а про Сергея Александровича почему-то нет, хотя секретов от тети Лизы у нее никогда не было.

– Ой, здорово как! – обрадовалась Люся при виде накрытого стола. – И вино хорошее, – поразглядывала она темную бутылку. – Я люблю испанские вина. Ужас, сейчас в голодный обморок хлопнусь.

– Бедная ты моя, – пожалела ее Лена.

– Конечно, бедная. Ну рассказывай, – потребовала Люся, попробовав темно-красного напитка из старинной тяжелой рюмки и кивнув в знак того, что вино отличное.

– Да нечего особо рассказывать. Нонна сказала, что камеры были отключены в пятницу и в понедельник. Она думает, что приборы вынесли через проходную. А потом ей позвонили и сказали, что Пахомов убит двумя выстрелами. Все.

– Когда его убили?

– Не знаю. По-моему, и Нонна не знает. – Лена пожалела, что не прислушивалась к разговору, когда Нонне позвонили.

Подруга молчала, обдумывала ситуацию.

– Надо узнать, во сколько точно его убили. На нас бы не подумали.

Лена вспомнила про отпечатки Люсиных пальцев на звонке и ручке двери и помрачнела.

– Если нас найдут, что скажем? – заволновалась подружка.

– Правду, – решительно сказала Лена. – Если врать начнем, нас точно заподозрят.

Тут им обоим стало совсем тоскливо.

– Все решат, что мы дуры полные. И какого черта нас туда понесло? Подождали бы немного, и все само бы выяснилось, – сокрушалась Люся. – Давай еще, что ли, выпьем... Но я-то какая умница, – похвалилась она, поставив на стол пустую рюмку. – Сразу поняла, что там труп. В смысле, в квартире Пахомова.

– Мы не знаем, был тогда там труп или еще не было, – остудила ее пыл Лена.

– Да ну тебя! Конечно, был. Магулов пришел, труп увидел и побежал как ошпаренный. Может, Вовка его и прикончил?

– Не дури. Никого он не застрелил, конечно. Он же обычный инженер, а не бандит. А вот с чего он так побежал, интересно. Правда, что ли, труп увидел? Или просто к подружке какой-нибудь заходил и с ней поругался? Магулов твой?

– Магулов не мой, – возразила подруга. – Он... общественный.

– Если он труп видел, значит, вошел в квартиру, – рассуждала Лена. – Следовательно, дверь была открыта, во всяком случае, отперта. А он с перепугу ее потом захлопнул.

– И что из этого следует?

– Черт его знает, что следует. Скорее всего, ничего. Я хочу завтра с утра с Пожидаевым поговорить. – Лена сменила тему. – Попрошу записи с камер показать.

– Поговори, – разрешила Люся. – Только Расскажи потом.

Она еще немного пожевала и отложила вилку.

– Лена, это Ирка тебе прибор подложила.

– Перестань. Ну зачем ей это?

– Она тебя терпеть не может. Она тебе завидует.

– Господи! – ахнула Лена. – Да из-за чего ей мне завидовать?

Завидовать Лене никто не мог. Она брошенная жена, а из всех родственников у нее осталась только старая тетка. Уж тем более не могла завидовать Ира, жена высокопоставленного чиновника, красивая, богатая – по сравнению с Леной, во всяком случае, и вполне довольная жизнью. А в том, что Ира ее терпеть не может, она не сомневалась и даже догадывалась, почему. Потому что когда-то Дмитрий Михайлович маленькую Лену очень любил, много с ней возился и до сих пор считает ее почти родственницей, а Иру это раздражает. Она большая собственница.

– Конечно, завидует. Ты специалист, а она девочка на побегушках, – объяснила Люся.

– Не выдумывай. Никакого отношения к краже приборов Ира иметь не может. Зачем ей это? Денег куры не клюют, ты же сама говорила, что у нее четыре шубы. Не станет она с криминалом связываться.

Люся опять поразглядывала бутылку, плеснула вина себе и Лене и потянулась чокаться.

– Она подложила. Даже не спорь. Ты мне не верила, что Пахомова убили, а я была права. И сейчас права.

Спорить Лена не стала, но мысль, что Ирина могла крадучись подбросить прибор в сейф, казалась ей совершенно абсурдной.

– Люсь, Пахомова могли убить из-за чего угодно. Нельзя это однозначно связывать с кражей приборов. И Магулов, даже если он к Пахомову приходил и труп видел, совсем не обязательно связан с кражей.

Подруга посмотрела на Лену укоризненно, удивляясь ее откровенной глупости, и отчего-то обрадовалась.

– Да ну тебя! Такие дела творятся! Ну и Магулов! Ужас какой! Камеры отключить и приборы спереть! Кому рассказать – не поверят.

– Вот именно – не поверят. И я не верю, чтобы такую аферу мог какой-то Магулов провернуть. Он что, компьютерный гений? Если бы это было так, мы про него бы слышали по крайней мере – сама знаешь, у нас такие специалисты наперечет. А мы его даже не знали бы, если бы не прическа дурацкая.

– На главного вора он, конечно, не тянет, – согласилась подруга и решила: – Он исполнитель. А главного мы вычислим.

Лена встала поставить чайник, а Люся все размышляла:

– У Магулова со Светкой Кукушкиной вроде любовь была. Правда, потом что-то разладилось. Он вообще бабник тот еще: лет пять работает, а уже нескольких девок поменял.

– Магулов приборы взять не мог. Компьютерщик просто не знал, какие из них идут по госзаказу. Они по внешнему виду почти не отличаются. И в комнаты второго отделения у него доступа нет. Нет, Люсь, украл кто-то свой.

– Ну, положим, ключи от комнаты раздобыть не проблема. Кстати, у охраны ключи точно есть, а если ему Пахомов помогал, то и ключи мог дать. И узнать, какие приборы для военных, нетрудно. Я, если захочу, за две минуты это выясню. И никто ничего не заподозрит.

В том, что Люся способна узнать что угодно, Лена не сомневалась. Она давно перестала удивляться, как подруга, почти не покидающая приемную, ухитряется знать все и всех, пом-

нить, кто в каком отделении работает, когда устроился в институт и куда собирается перейти на службу.

Чайник закипел, и Люся принялась принохиваться: абсолютно непрехотливая в еде Лена чай пила только элитный и выбирала его всегда придирчиво.

– Что за чай?

– «Зимняя сказка». Нравится?

– Угу. Отличный. Жалко, что домой мне далеко ехать.

– Оставайся.

– Нет. Поеду. Постирать надо. И переодеться, я эту блузку уже два дня ношу.

Лена проводила ее и долго стояла на балконе: сначала курила, а потом просто дышала. Пахло сиренью, майской свежестью, впереди было лето, отпуск – даже два отпуска, потому что в прошлом году она не отдыхала, и если договор с «Омстроном» они подпишут, она будет работать с Сергеем Александровичем и разглядит наконец, какие у него глаза.

Развалившись в потрепанном кресле съемной квартиры, которую уже привык считать своей, пригубив коньяку из пузатого голубого бокала, Сергей крутил в руке телефон, не решаясь набрать номер.

Он познакомился с Верой год назад в поезде Нижний Новгород – Москва. Они оказались единственными пассажирами в вагоне СВ и занимали соседние купе. Сергей, которому не спалось после изнурительных переговоров, долго стоял в коридоре, глядя на пронсящиеся деревеньки, сверкающие редкими огоньками, на перелески, едва различимые в темноте, и на траву у железнодорожного полотна, переливающуюся темными изумрудами от света вагонов. Сергей устал, ему не хотелось ни о чем думать и разговаривать, и ничего, кроме глухого раздражения, он не почувствовал, когда женщина из соседнего купе спросила:

– Не спится?

Сергей улыбнулся ей вскользь, что можно было понять как угодно, и опять отвернулся к окну.

– Хотите выпить? У меня коньяк есть, – предложила она.

Предложила ненавязчиво. И было видно, что никаких видов на Сергея у нее нет, просто надо скоротать время, потому что не хочется спать и читать, а больше делать абсолютно нечего.

Тут Сергею так захотелось коньяку, а еще колбасы, хлеба и чего-нибудь еще из полагающихся им вагонных завтраков в красивых коробочках.

Через пятнадцать минут он уже знал, что Вера совсем не так молода, как ему показалось, она ненамного моложе его, и ее старший сын уже готовится поступать в МГУ. Выглядевшая исключительно молодо Вера не только не скрывала свой возраст, но любила об этом сообщать, это лишь прибавляло ей мужского восхищения. И сейчас, видя изумленного Сергея, она весело смеялась и показывала ему фотографии сыновей и мужчины с русой бородой и усами – мужа. Аристократически красивая, с чуть продолговатым лицом, Вера излучала веселую радость от того, что она так молодо выглядит, что у нее чудесные дети и замечательный муж.

Сергею было легко и уютно с этой счастливой женщиной. Он разглядывал фотографии, улыбался, кивал и думал о прошедших переговорах, о том, что нужно будет исправить и с чем стоит согласиться.

Они стали любовниками через два часа после знакомства.

Утром Сергей прятал глаза от проводницы, которая принесла им чай. А Вера не прятала – она легко и весело улыбалась пожилой усталой женщине, а потом радостно стучала по окну встречавшему ее мужу. Сергей понимал, что это немного бравада, что ей тоже неловко и она не знает, как себя вести и что говорить. А говорить пустые и ненужные слова не хочет.

Сергей прятал глаза, проходя мимо мужчины с русой бородой и усами, улыбавшегося приехавшей жене, и был уверен, что больше никогда не увидит Веру.

Она позвонила ему на следующий же день. С тех пор они встречались несколько раз в месяц, в зависимости от занятости обоих. Работала Вера переводчиком и слыла отличным специалистом. Финансовое положение позволяло ей выбирать только ту работу, которая была ей интересна и являлась перспективной для дальнейшей карьеры. Вера была честолюбива.

Сначала она пыталась вытащить Сергея в консерваторию, или на модные выставки, или хотя бы на природу, но ему все было некогда и не хотелось. Они встречались у него дома, только изредка выбираясь в рестораны: вкусно поесть Сергей любил. Она привычно рассказывала ему о сыновьях, о муже, о работе, а он привычно кивал и думал о делах фирмы, о том, что необходимо сделать завтра, а что можно отложить на потом...

Отпивая коньяк, Сергей испытывал чувство вины, стыда и жалости к Вере. Он знал, что виноват перед ней, и не только потому, что сейчас позвонит и скажет ей самые жестокие слова, которые мужчина может сказать женщине. Он не любил Веру, ему было скучно с ней, такой умной и интересной. Ему никогда не хотелось, чтобы она осталась у него на ночь, он даже боялся, что когда-нибудь это взбредет ей в голову и он хоть ненадолго лишится привычного комфорта одиночества. Ночью ему придется осторожно поворачиваться, стараясь не разбудить ее, а утром вместо того, чтобы строить планы на день, вести ненужные и скучные разговоры.

Они никогда не говорили о любви. Он никогда и ничего ей не обещал. Но когда Вера шептала ему, как соскучилась, как тоскливо ей без него, он целовал ее в шею или в висок, подтверждая тем самым, что тоже скучает и ему тоже тоскливо. Сергей обманывал Веру: он никогда не думал о ней.

И сейчас он оставлял Веру наедине с ее страшной виной перед спокойным и уверенным в себе бородастым мужчиной. С виной, которую невозможно простить и нельзя загладить.

Сергей плеснул коньяк в опустевший бокал и набрал номер.

– Да. Добрый вечер. Одну минуту, – услышал он мелодичный веселый голос и громкую музыку. Видимо, Вера находилась в комнате одного из сыновей. Муж был в отъезде, Сергей знал об этом и подвести ее своим звонком не опасался.

– Сережа? – Музыка стихла, и теперь в трубке звучал только ее голос.

– Вера, мы не должны больше встречаться. Ты... прости меня, если сможешь.

– Почему? Что случилось, Сережа? – Голос ее стал спокойно строгим. Так она разговаривала с детьми и еще иногда с мужем, когда была ими не вполне довольна.

Сергей молчал.

– Сережа, я имею право знать, что произошло.

Он молчал, и ему казалось, что вина, стыд и жалость к Вере сейчас затопят его, сжуют мышцы гортани и он никогда не сможет разговаривать.

– У тебя другая женщина?

– Я женюсь.

Почему-то раньше все его романы кончались сами собой, никому не принося не только горя, но даже разочарования. А может быть, ему просто нравилось так думать. Ему очень хотелось нажать на отбой, но он знал, что не сделает этого.

– И давно ты встретил свою... избранницу?

– Не надо, Вера.

– Да. Ты прав. Не надо. – Она знала, что нужно нажать отбой, только никак не решалась это сделать. А потом нажала.

Сергей крутил в руках телефон и отпивал коньяк.

Зачем он позвонил Вере? Он что, действительно собирается жениться? Жениться на девушке, которую видел всего дважды?

Позвонил он потому, что больше не хочет видеть Веру. Потому что почувствовал острую необходимость разорвать эту совсем не нужную ему связь. Его отношения с Верой с самого начала были окутаны ложью, и эта ложь и необходимость притворяться, делать вид, что эта женщина нужна ему, вызывали у него стойкий душевный дискомфорт. Просто раньше он этого дискомфорта не замечал, а сейчас заметил.

А про женитьбу вырвалось просто так.

Или не просто так?

Май, 16, среда

Лена опять пришла на работу рано, когда на этаже почти никого не было, и, даже не включив установки, позвонила Пожидаеву. Телефон не отвечал, и она принялась разбирать обработанные образцы, с трудом заставляя себя сосредоточиться на работе. Через двадцать минут опять позвонила, телефон опять не ответил, и она окончательно поняла, что заниматься делом не в состоянии: не давал покоя вчерашний прибор в ее сейфе. Она даже проверила сейф, замирая от страха, что там окажется еще один прибор, и ругая себя за это. Тревога ее оказалась напрасной – сейф был пуст. Она немного послонялась по лаборатории, поглазела в окно, не замечая ни подходивших к институту людей, ни проезжающих машин, ни уже полностью покрытых зеленью деревьев, и, не придумав ничего лучшего, отправилась в курилку.

Она располагалась на пожарной лестнице. Когда курить в здании разрешалось, на стене была нарисована сигарета с дымком, теперь сигарету перечеркнули. Зимой на лестнице было очень холодно, а летом жарко, тем не менее курильщики туда регулярно наведывались, и руководство смотрело на это сквозь пальцы. Лена аккуратно села на сломанный стул, стараясь не пропустить Пожидаева, поскольку пройти к своему кабинету он должен был мимо открытой двери на пожарную лестницу. Старые стулья появлялись в курилке неизвестно откуда и неизвестно куда вскоре исчезали, и курильщики радовались возможности посидеть, как будто не сидели за своими столами и компьютерами все остальное время.

Здесь обсуждались самые важные новости. Здесь делились проблемами и радостями, ссорились и мирились. И Лену здесь обсуждали тоже.

Через несколько дней после ее разрыва с Павлом Татьяна Генриховна, одна из Лениных подчиненных, статная седовласая дама с огромными ярко-голубыми глазами и ядовитым языком, спросила ее:

– Ле-еночка, что-то ваш муж вам не звонит. Уж не поссорились ли вы?

И устала на нее с жадным интересом. К тому времени все уже, безусловно, знали печальную историю Демидовой, поскольку девушка, на которую Павел поменял Лену, раньше работала в институте и связи с оставшимися там подругами поддерживала.

– Татьяна Генриховна! – удивилась тогда Лена и посмотрела на нее с жалостью. – Мы будем обсуждать мою личную жизнь?

По-видимому, слова были найдены правильные, потому что Татьяна оторопела и отвела глаза. С Павлом Лена всегда чувствовала себя защищенной. Теперь у нее не стало Павла, и она училась защищать себя сама.

С тех пор никто с ней о муже не заговаривал. А за спиной шептались, конечно. Как же без этого?

Сейчас в курилке никого не оказалось, и можно было спокойно подумать.

Люся сказала, что ключи от комнат можно взять в охране. Допустим. А от сейфа? Кто знал, что Лена держит ключи от него в ящике рабочего стола? Сотрудницы лаборатории. Когда-то помимо поступающей на банковские карточки зарплаты часть денег раздавалась в конвертах. С этим давно покончено, сейф практически не использовался, но где лежали ключи, все знали. Наталья и Татьяна Генриховна пару раз просили убрать в сейф какие-то свои вещи, и Лена при них его отпирала.

Однажды Люся попросила поддержать там маленький ноутбук, который относил институтским компьютерщикам почистить от вируса и почему-то долго не забирала домой.

Кто еще? Перед Новым годом Ира попросила положить в сейф подарок для Дмитрия Михайловича: золотой зажим для галстука. Лену тогда эта просьба очень удивила, она не понимала, что мешает Ирине держать подарок дома: вряд ли Дмитрий Михайлович имеет обыкновение тщательно обыскивать квартиру. Найти место для подарка, чтобы он не попался мужу

на глаза, Ира, наверное, могла. Зажим несколько дней лежал в сейфе, и Лена открывала его при Ирине.

Итак, Наталья, Татьяна Генриховна, Люся и Ира. Больше никто не знал, где лежат ключи, во всяком случае, больше никого Лена не припомнила. Люсю вычеркиваем сразу, остаются Наталья, Татьяна Генриховна и Ира. Кто-то из них? Невероятно. Три женщины, абсолютно далекие от криминала. Татьяна Генриховна и Ира ее очень не любят, тут сомнений нет, а Наталья, как Лене казалось, относится к ней если не с симпатией, то по крайней мере без особой неприязни.

Лена еще поразмышляла и чуть не пропустила Пожидаева, промелькнувшего в направлении собственного кабинета. Она быстро потушила сигарету и рванулась к себе, мечтая, чтобы никого из женщин в комнате не было.

К счастью, комната была пуста, она набрала номер и зачастила сразу же ответившему Пожидаеву:

– Юрий Викторович, здравствуйте, это Демидова из 18-й лаборатории.

– Здравствуйте, госпожа Демидова, – усмехнулся голос в трубке, – я прекрасно знаю, кто вы такая.

– Можно, я посмотрю записи с камер?

– Можно, – опять усмехнулся голос. – Приходите.

Кабинет Пожидаева оказался небольшим и не по-рабочему уютным, хотя никаких цветов и безделушек в нем не было, только стопки бумаг и папок лежали горами на столе и даже на стульях. При всем кажущемся беспорядке было очевидно, что хозяин прекрасно знает, где что лежит, и для него это не беспорядок, а строго продуманная система.

– Садитесь, – предложил Юрий Викторович, кивнув на свободный стул, – садитесь, Лена. Вы хотите получить, так сказать, исходные данные или результаты? Я кое-какие выводы сделал, – серьезно сообщил он, внимательно ее разглядывая.

– И то и другое, – подумав, так же серьезно ответила Лена.

– Хочется преступника найти?

– Да.

– Раз хочется, значит, найдем. Двигайтесь, – он отъехал на кресле, освобождая Лене место около компьютера.

– Смотрите, первое отключение камер, – Юрий Викторович перебирал на экране кадры, – 19.25, идет Никифорова, камеры ее фиксируют. В 19:28 она проходит через проходную. Список прихода-ухода из проходной я вам дам. Приблизительно в 19.30 должен был пройти Мальцев, но его камеры уже не видят. Он прошел через проходную в 19.32. Значит, камеры были отключены около 19.30. В 20.42 камеры фиксируют уборщицу, видите? А вот как она попала на этаж, не видно. Это первое отключение камер. Точно так же я определил время второго отключения. Кстати, если вы меня перепроверите, будет очень хорошо, я мог ошибиться, просто не всех на этаже знаю. Давайте флешку.

Пожидаев переписал Лене все файлы из папки с грустным названием «Пропажа», протянул ей флешку и напоследок спросил:

– У вас какие-либо соображения есть?

– Нет, – неуверенно ответила Лена, не зная, стоит ли рассказать про визит программиста Магулова к убитому Пахомову. Решила не рассказывать, очень уж стыдно было признаться, как они с Люсей выслеживали охранника.

Она поднялась и, помедлив, спросила:

– Юрий Викторович, а когда приборы видели последний раз, не знаете?

– Господин Липавин утверждает, что в пятницу вечером как раз и видел. Все четыре лежали на своем месте.

Пожидаев произнес «господин Липавин» так, что Лене стало очевидно, как сильно не нравится Лева Юрию Викторовичу. Ей почему-то стало жалко Пожидаева, и Леву Липавина тоже стало жалко.

Ей опять повезло, никто из ее сотрудниц еще не пришел, и она могла спокойно анализировать принесенные файлы. Через два часа картина сложилась полная. Вернее, Лена надеялась, что полная. В пятницу были отключены камеры, фиксирующие часть коридора от лаборатории, где лежали приборы, до пожарной лестницы, включая площадку перед лифтом. Приборы могли унести по лестнице или увезти на лифте. В понедельник отключались камеры, фиксирующие лифтовую площадку, дверь пожарной лестницы, дверь Лениной лаборатории и часть коридора, их соединяющую. Получалось, что в пятницу приборы унесли с этажа, а в понедельник специально принесли один прибор, чтобы подложить его Лене. Полный бред.

Один прибор спокойно можно унести в мужской сумке. И в женской. А вот четыре сразу не унесешь. Лена просмотрела записи с камер на других этажах: никого с крупными вещами не наблюдалось. Пожидаев проделал огромную работу, сделав выжимки из записей со всех камер, оставив только те моменты, когда они фиксировали людей, и теперь определить нахождение каждого человека было несложно.

Вот Магулов, пятница, 17.11, стоит на площадке восьмого этажа, ждет лифта. Вот список прошедших через проходную: Магулов покинул институт в 17.14. Значит, он никак не мог взять приборы. Надо сказать это Люсе.

Вот список тех, кто выходил из института после 19.30. Липавин – 19.58. Лучинская И. Г. – 20.26. Странно, что Ира задержалась так поздно, обычно она уходит гораздо раньше. 20.26 – это время, когда камеры были отключены. Кто еще оставался в институте? Ни одной знакомой фамилии. Надо спросить у Люси, кто эти люди, она всех знает.

Лена потеряла глаза и уставилась в окно. Никого с тяжелой ношей на других этажах нет, а там камеры работали исправно, значит, приборы спрятали на нашем этаже. В одной из комнат, расположенных в промежутке от кабинета Пожидаева до ее лаборатории. Всех, кто работал в этих комнатах, Лена знала. Она еще раз просмотрела список прихода-ухода: к 19:30 все сотрудники уже ушли. Это и понятно: пятница, люди спешат на дачи, впереди выходные.

Возможный вариант: приборы спрятали в одной из комнат, а в понедельник по одному перенесли в другое место. Может так быть? Вполне. Надо посмотреть, кто и куда перемещался в понедельник.

Черный закуток, неожиданно вспомнила Лена. Черным закутком называли небольшую каморку напротив лифтов. В ней не было окон, и служила она подобием склада. Химики держали там свои реактивы, а все остальные – забракованные образцы, с которыми еще предполагалось работать. Лена тоже иногда приносила в черный закуток забракованные образцы. У каждой лаборатории имелся там свой шкаф. Посмотреть? Так Пожидаев и Нонна наверняка уже смотрели. «Проверю», – решила Лена. Потопталась немного, не зная, что лучше, сначала покурить, а потом заглянуть на склад, или наоборот. Так ничего и не решив, взяла сигареты и ключи от темной комнаты.

Она располагалась перед пожарной лестницей, и ноги сами понесли Лену к запертой двери. Разве тут что-нибудь найдешь? Лена разглядывала шкафы, забитые приборами, платами и непонятными железками. Ничего тут не найдешь, неделю надо разбирать.

Но свой шкаф она все-таки осмотрела. Вот образцы, лежащие с незапамятных времен, а вот те, которые она положила сюда месяца три назад. Приборов много, но ничего похожего на те, которые она ищет. Она еще постояла, а потом, сама не зная зачем, встала на колени на пыльном полу: здесь убирали редко – и заглянула под шкаф. Освещение было слабое, ничего, кроме черноты, она не увидела и тогда, жалея недавно выстиранный рабочий халат, начала шарить под шкафом рукой. Шарить было неудобно, она почти легла на пол и не сразу поняла, что рука натывается на что-то, придвинутое к самой стене. И тогда, распроцавшись

с любимым халатом, Лена распласталась на полу, засунула правую руку насколько ее хватало и не сразу с трудом вытащила черный целлофановый мешок для мусора. Халат был безнадежно испачкан, а вот на мешке пыли не было. Она села на пол и осторожно, отказываясь верить тому, что сейчас увидит, начала развязывать целлофан. Лена нашла исчезнувшие приборы.

Их было два, каждый аккуратно упакован в пенопластовые уголки.

Так и сидя на полу, Лена достала телефон, жалея, что не знает мобильного Пожидаева, и, молясь, чтобы он оказался на месте, стала набирать его рабочий номер.

Пожидаев был у себя в кабинете и меньше чем через минуту уже возвышался над Леной, сидевшей на полу.

– Так я и думал, – непонятно произнес он, разглядывая находку.

– Что? – удивилась Лена.

– Я думал, – пояснил он, протягивая ей руку и помогая встать, – что украсть хотели только один прибор.

И видя, что она не понимает, терпеливо продолжил:

– Эта история состоит как будто из двух частей. Одна часть понятна: кто-то украл прибор и получил за это деньги. Или пулю. А вторая часть какая-то странная, дилетантская, я бы даже сказал, женская: перепрятать приборы, подложить кому-то... Зачем? Глупо.

– Почему нужно было красть один прибор? Кому это понадобилось?

– Конкурентам, – не задумываясь ответил Пожидаев. – Больше никому. Приборы уникальные, лучше всех мировых аналогов. Это госзаказ, очень большие деньги. Чтобы кто-то мог восстановить технологию, достаточно одного образца. К тому же искать один пропавший прибор станут не так тщательно, как всю исчезнувшую партию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.